

ПЕРЕКРЁСТОК ДВУХ СУДЕБ

Галина Зимняя

Галина Зимняя

Перекрёсток двух судеб

<https://litres.ru/74216233>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда прошлое не отпускает. Оно просто ждёт подходящего момента.

Аня выстроила свою жизнь по кирпичику: карьера, сын, тихие вечера в квартире. Никаких лишних эмоций, никаких рисков. Она привыкла рассчитывать только на себя и давно отказалась от мысли, что где-то рядом может быть надёжное плечо.

Но чудо приходит само. Не постучав. Не спросив разрешения.

Когда в городе появляется он, Аня понимает: можно сколько угодно прятаться от воспоминаний, но нельзя убежать от себя. От вопросов, которые она откладывала на потом. От выбора, который придётся сделать сейчас.

Между страхом и надеждой — всего один шаг. Но как решиться его сделать, когда на кону — не только твоё сердце, но и будущее сына? И готов ли мужчина, вернувшийся спустя годы, доказать, что он не уйдёт снова?

«Перекрёсток двух судеб» — повесть о чувствах длиною в жизнь, о непростом пути к прощению и о взрослении души. Ведь семья — это не подарок, а постоянный труд и осознанный выбор быть рядом день за днём.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	39
Глава 6	45
Г	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Галина Зимняя

Перекрёсток двух судеб

Пролог

Пятнадцать лет назад. Конец июня.

Ночь стояла бархатная, тёплая, пахнувшая пылью, нагретой за день асфальтовой крошкой и скошенной травой. Это был тот самый запах выпускного — ощущение свободы, кружившее голову сильнее любого шампанского. Он въедается в волосы, в кожу, в память, чтобы через пятнадцать лет нахлынуть вдруг от одного только скрипа школьной калитки.

Из открытых окон школы вырывался приглушённый гул: басы современной музыки, смех, звон бокалов и голоса одноклассников, которые ещё вчера были просто соседями по парте, а сегодня вдруг почувствовали себя взрослыми. Кто-то кричал о поступлении в Москву, кто-то клялся, что никогда не уедет из Выксы, кто-то уже планировал свадьбу. Всё вокруг менялось, но страх перед будущим оставался прежним.

А у скамейки под развесистыми клёнами, в глубине сада, царил тишина. Только листья шептались о чём-то своём. Где-то далеко, со стороны станции, донёсся протяжный гудок товарняка — тягучий, сиротливый, как зов большой

земли.

Аня и Дима торопливо шли, держась за руки, словно только что вырвались не с дискотеки, а из-под опеки самого времени. Они смеялись, задыхаясь. Анина туфелька на тонком каблучке то и дело проваливалась в мягкую землю газона. Дима на ходу подхватывал её под локоть, и она снова ловила равновесие. Восемнадцать лет — возраст, когда мир кажется бесконечным, а будущее — чистым листом.

— Дальше не пойдём? — шепнула Аня, оглядываясь на освещённые окна.

В свете, падающем из спортзала, блеснул её локон, и Дима запомнил это движение: как на миг открылась тонкая шея, как сверкнули серёжки-гвоздики, подаренные мамой на совершеннолетие.

Татьяна Петровна, её мать, сегодня плакала. Не от радости — от страха. В маленьком городе слухи расползаются быстрее огня: он не скрывал своих планов, и о его поступлении в Москву знали ещё до выпускного.

— Москва далеко, — говорила она утром, поправляя Анино платье. — А что, если он не вернётся?

Аня тогда только отмахнулась:

— Он обещал.

Но теперь, в темноте сада, она впервые подумала: а что, если и правда не вернётся? Что, если эта ночь станет последней?

— Не пойдём, — уверенно ответил он, притягивая её к

старой деревянной скамейке под клёнами. — Здесь нас никто не найдёт.

Скамейка тихо скрипнула, принимая их. Деревянная спинка ещё хранила тепло ушедшего дня, а кто-то когда-то вырезал на ней неровное сердце и инициалы — след чьей-то давней юности. Дима обнял Аню за плечи, и она почувствовала, как быстро бьётся его сердце — в такт её собственному. В полумраке его глаза казались почти чёрными, не детски серьёзными.

— Слушай меня. — Он сжал её ладони в своих. Его руки были тёплыми и немного влажными. — Я уезжаю в Москву. Это шанс, Ань. Я не могу его упустить.

Она кивнула, хотя внутри уже шевельнулось холодное предчувствие разлуки. Москва казалась ей другим континентом — огромным и чужим.

— Я вернусь за тобой, — сказал он тихо, но так твёрдо, будто заключал договор с судьбой. — Мы будем вместе. Только ты и я. Обещай, что дождёшься.

Аня смотрела на него, и в горле стоял ком. В этот момент она готова была ждать вечность. Она ещё не знала, что ждать — это не просто сидеть и смотреть на дорогу. Ждать — это жить, принимать решения, ошибаться, плакать по ночам и при этом каждый день верить, что завтра он позвонит.

— Обещаю, — прошептала она.

Дима наклонился ближе. Мир сузился до расстояния между их губами. Их первый поцелуй был неуверенным, слад-

ким и солёным от слёз, которых Аня даже не заметила. А потом было ещё что-то — то, о чём не говорят вслух, что прячется в темноте июньской ночи, под шёпот листвы и далёкий гудок поезда. То, что остаётся в памяти не словами, а ощущением: горячей кожей, сбитым дыханием и внезапной, острой нежностью, от которой хочется плакать.

В ту ночь они стали взрослыми по-настоящему. И ни один из них не знал, что эта ночь подарит им сына.

Над ними шелестели листья, ловя редкие звёзды. Из школы донёсся очередной всплеск музыки — кто-то включил ту самую медленную композицию, которую спустя годы каждый будет вспоминать, лёжа в своей постели.

Они остались в тени деревьев, а над школьным флагом, замершим в безветрии, раскинулось высокое звёздное небо.

Годы текли неумолимо: стирались краски юности, менялись лица, привычки, судьбы. Но одно оставалось неизменным — память, живущая в стенах старой школы.

Школа возвышалась всё так же величаво: красный кирпич фасада, знакомые коридоры, окна, в которых по утрам отражалось небо.

Годы оставили лёгкие следы: кое-где облупилась краска, подросли клёны во дворе, потемнела от времени старая скамейка.

Жизнь шла своим чередом — звонки, шумные перемены, спешащие ученики. Теперь в этих стенах учится Илья, сын Ани, так же, как когда-то учились его родители.

Бывшие одноклассники разошлись. Лариса, сменив фамилию на Глебову, вышла замуж за местного предпринимателя и теперь воображала себя первой дамой города. Вероника всё же открыла свой салон. Сергей стал успешным стоматологом. Одни уехали в столицу, другие исчезли, третьи нашли утешение в алкоголе. И только Аня, храня пятнадцатилетнее молчание, осталась с сыном.

Почти нерушимо звучат обещания в тот миг, когда их дают. Но время не спрашивает, хотел ли ты сдержать слово. Оно просто идёт вперёд, оставляя после себя обломки несбывшихся надежд.

Юность — как первый снег. Красивый, чистый, неповторимый. Но стоит солнцу пригреть — и всё превращается в слякоть, в грязь, в воспоминание, к которому больно прикасаться.

Звёзды горели холодно и равнодушно. Они видели тысячи таких ночей, тысячи клятв, данных в школьных дворах в конце июня. Видели, как рождаются надежды, и знали, как часто им не суждено сбыться. Но в ту ночь над маленьким городком одна звезда мигнула чуть ярче — то ли предупреждая, то ли обещая.

Глава 1

Будильник зазвенел в шесть. Аня нащупала кнопку, не открывая глаз. Тело отозвалось тяжестью в пояснице — бессонница стала постоянной спутницей. Она слишком часто просыпалась за час до звонка, слушая, как тикают часы.

В комнате пахло утренней прохладой и свежим бельём. На соседней кровати спал сын. Теперь он занимал почти половину пространства. Аня сидела тихо, боясь нарушить его покой. Сон смягчил резкие черты, но и в полумраке они проступали узнаваемо: прямой нос, упрямый излом брови — всё то же самое. Только губы были мягче, её губы. Когда Илья открывал глаза, серые радужки смотрели на мир с той же серьёзностью, что и Дмитрий пятнадцать лет назад.

Благословение и наказание. Каждый день смотреть на живое напоминание той ночи. Аня поймала себя на мысли: почему он сегодня такой тихий? Вчера тоже молчал. В его возрасте мальчики замыкаются, это нормально. Но её собственное прошлое всплыло в памяти остро. Ей тогда было девятнадцать. Она тоже молчала. Прятала живот под свободными кофтами, вздрагивала от телефонных звонков. Илья сейчас боялся чего-то другого. Или того же? Интуиция матери работает даже тогда, когда разум отказывается верить.

— Илюш, подъём, — тихо позвала она, касаясь его плеча. Парень вздрогнул, мгновенно просыпаясь. В глазах

мелькнула взрослая сосредоточенность.

— Уже? — хрипло спросил он, потягиваясь.

— Уже. Завтрак готов.

На кухне с утра уже всё шло своим чередом. Татьяна Петровна в любимом бордовом халате колдовала у плиты. Пахло ванилью и травами. На подоконнике стояла герань, пережившая переезд из старого дома.

— Яичницу с помидорами сделала, — сообщила она, не оборачиваясь. Ложка звякнула о сковороду. — Юра кран починил, наконец-то.

Юрий Иванович сидел за столом, держа в мозолистых руках кружку с чаем. Он кивнул дочери. Руки с вьевшейся металлической пылью были спокойны. Рядом — газета «Выксунский рабочий».

— Спасибо, мам. — Аня налила кофе. — Илюша сейчас выйдет.

— Ты пальто одень потеплее, — заторопилась мать, оборачиваясь. Глаза тревожно блеснули. — К вечеру дождь обещали. Шарф не забудь.

— Мам, мне тридцать три года, — мягко улыбнулась Аня, но шарф взяла. Спорить бесполезно. Это был язык любви её матери.

Илья вышел через минуту, уже в форме. Галстук завязан криво. Аня поправила узел, провела ладонью по вихрам. Он пах утренним сном и одеколоном, который они купили вместе на день рождения.

— Садись есть, — Татьяна Петровна поставила тарелку.
— Всё как ты любишь.

— Ба, я не голоден, — пробормотал Илья, ковыряя вилкой. Он смотрел в тарелку, будто там были ответы на вопросы, которые боялся задать.

— Ешь давай, — веско сказал Юрий Иванович.

Илья послушно отправил ложку в рот.

Аня наблюдала за ними из-за края чашки. Бабушкина забота, дедовская твёрдость. Дом. Крепость. Но сегодня стены казались тоньше. Будто кто-то снаружи уже начал стучать.

— Сегодня тренировка в семь? — спросила Аня, когда Илья допивал чай.

— Ага, — он кивнул, не поднимая глаз. — Ма, я пойду?

— Иди. Удачи.

Он чмокнул её в щёку, махнул бабушке с дедом — и исчез. Аня прислушалась к удаляющимся шагам. Обычно он рассказывал про тренера. Сегодня — ни слова.

— Чего он такой? — нахмурилась Татьяна Петровна.

— Подросток. Мало ли.

Аня сказала это спокойно, но внутри похолодело. Она вспомнила себя в его возрасте. Тоже молчала.

— Разберусь, — допила кофе и поднялась. — Я побежала.

В прихожей она задержалась у трюмо. Зеркало чуть замутно по краям, но отражение показывало правду. Поправила воротник, замерла. Сегодняшний сон не отпускал. Ей снился школьный двор, скамейка под клёнами и он. Дима.

Молодой, с той самой улыбкой. Он протягивал руку: «Я же обещал вернуться». А потом исчезал.

В глубине трюмо под ворохом квитанций лежала старая школьная фотография. За пятнадцать лет она выцвела, пожелтела, покрылась трещинками. Уголок, где стоял Дмитрий, был чуть темнее — будто кто-то много раз касался этого места пальцем. Аня не доставала снимок годами. Но сегодня рука сама потянулась к нему.

Она вынула фотографию. Картон был шершавый, ломкий. Его лицо всё ещё было узнаваемым. Взгляд скользнул по чертам, сохранившим отблеск юности. И по своему — наивно-му, ещё не знавшему, что такое ждать пятнадцать лет. Сейчас всё было иначе: морщины, седина, тяжесть в душе. Аня провела пальцем по его изображению. Почему именно сегодня?

Она резко захлопнула ящик. Звук получился громким, словно выстрел. Прошное должно оставаться в прошлом. Аня глубоко вздохнула, расправила плечи и шагнула к двери.

На улице осень вступила в свои права. Асфальт был мокрым, листья клёнов горели золотом. Аня шла до остановки быстро, кутаясь в шарф. Здесь все друг друга знают.

На остановке две пенсионерки обсуждали новости:

— Говорят, на следующей неделе москвичи приедут. Инвесторы.

— Опять обещать будут? — ворчала вторая. — Помнишь,

в девяностых так же начиналось.

Аня отвернулась. Москвичи... Сколько раз уже приезжали и уезжали. Но сердце предательски ёкнуло.

Здание администрации встречало запахом старой бумаги и дешёвого кофе. Аня кивнула охраннику, направилась к лифту. На третьем этаже уже гудел привычный улей.

Её рабочее место было образцом порядка. Но над ним нависла тень.

— Анна Юрьевна, вы опять опоздали! — голос Светланы Михайловны Корольковой прогремел ещё до того, как она появилась в дверях.

Начальница вплыла в кабинет, тяжело стуча каблуками. Леопардовый костюм кричал громче самой Светланы Михайловны. Золотая цепь поблёскивала в свете ламп. Тяжёлый запах духов не изменился за все годы. Королькова не менялась.

Аня знала, почему начальница её не любит. Не потому, что Аня работала плохо. Наоборот — слишком хорошо, слишком спокойно. Королькова любила суету. Аня — дочь простого рабочего с завода, а Светлана Михайловна — из администрации, «из правительства». Видеть перед собой дочь рабочего, которая держится с достоинством, было для неё личным оскорблением.

— Небольшая авария на дороге, Светлана Михайловна, — спокойно ответила Аня, включая компьютер.

— У людей — аварии, у вас — оправдания! — Королькова

плюхнулась в кресло. — Отчёт за квартал где?

— Будет к обеду. Нужно сверить цифры с бухгалтерией.

— К обеду?! — начальница схватила за голову. — Мне это нужно было ещё вчера! Из-за подобных проволочек у меня будут неприятности с областным управлением! А тут ещё проблемы с дочерью...

Аня сжала губы. Она невольно коснулась мочки уха — старый жест. Привыкла: время научило её быть выше обид. Она просто кивнула и принялась за документы.

Рядом сидела Елена Круглова. Она красила ногти ярко-фуксиевым лаком. Нарощенные ногти цокали по клавиатуре.

— Да ладно вам беспокоиться, Анна Юрьевна, — пропела Леночка, любуясь маникюром. — У Светланы Михайловны семейные проблемы. А у вас всё легко: сын рядом, родители поддерживают. Райская жизнь!

В голосе звенела зависть. Леночка считала, что свобода Ани — подарок судьбы, а не тяжёлый крест. Она не знала, каково это — объяснять сыну, почему у него нет отца.

Аня не повернула головы. Рука дрогнула, коснувшись кольца на безымянном. Леночкины шпильки давно превратились для неё в назойливый фон. Она давно поняла: таким, как Леночка, нужно самоутверждаться за чужой счёт.

— Елена, вы работаете или маникюр делаете? — рявкнула Светлана Михайловна.

Леночка вздрогнула, спрятала руки, но тут же вынырнула

с новой темой.

Аня смотрела в экран. Цифры плясали перед глазами. Вокруг кипела жизнь, но для неё существовал только экран — холодный, яркий, полный упрямых цифр.

— Анна Юрьевна, вы слышите меня? — голос начальницы вернул её в реальность.

Пауза. Глубокий вдох.

— Да. Отчёт будет к обеду.

День тянулся бесконечно. За окном серело. Аня чувствовала, как нарастает напряжение в плечах. Голова начинала болеть. Она выпила таблетку, запивая остывшим чаем.

Сумерки опустились. Аня стояла у входа в ФОК «Баташев Арена». Вокруг толпились родители. Она держалась в стороне. Её жизнь была другой, чужой для них.

Из дверей вышли подростки. Илья появился последним. На нём была лёгкая чёрная куртка поверх толстовки — вечная подростковая манера одеваться не по погоде. Аня поёжилась в своём тёплом пальто.

— Илюш, — позвала Аня.

Он вздрогнул. Подошёл медленно.

— Привет, мам.

— Как тренировка?

— Нормально.

Они сели в автобус. Илья уткнулся в телефон. Аня сидела у окна. Стекло было холодным, конденсат полз вниз, искажая огни улиц.

Слева светились окна гостиницы «Баташев». Говорят, на следующей неделе ждут важных инвесторов из Москвы. За-вод хотят модернизировать.

Москвичи... По такому городу слухи разносятся быстро. Аня скользнула взглядом по зданию и отвернулась. Сердце пропустило удар. Почему она так реагирует? Просто бизнес-мены. Чуть дальше возвышался ДК имени Лепсе — там они с Димой когда-то смотрели фильмы, прячась от билетёрши. Теперь там редко что показывали.

Она тряхнула головой. Прошное должно оставаться в прошлом. Но сегодня оно казалось ближе. Будто кто-то приоткрыл дверь.

Автобус свернул на Красную площадь. В окно ударил свет администрации. Аня перевела дыхание. Скоро остановка.

Вот и улица Красных Зорь. Автобус притормозил у школы 8. Илья поднял голову, сунул телефон в карман и первым двинулся к выходу.

Аня шагнула за ним, но задержалась, глядя на тёмные окна школы. За ними — пустые классы. В одном из них, говорят, до сих пор висит та самая старая фотография выпускников. Она не знала, правда ли это. И знать не хотела. Ветер подул сильнее, сорвал с дерева последний жёлтый лист и приклеил его к мокрому стеклу остановки. Как знак.

— Мам, ты идёшь? — голос Ильи выдернул её из мыслей.

— Да, иду.

Она спрыгнула с подножки. Дверь автобуса с шипением

закрылась за спиной.

В этом городе слишкоммало улиц, чтобы разминуться навсегда, и слишком много теней, чтобы забыть то, что было сказано под звёздами. Аня посмотрела на сына. Он шёл впереди, ссутулившись, и внезапно она осознала: что-то не так. Точно так же было когда-то и с ней.

Несмотря на тёплый свет в доме, она чувствовала: это затишье временное. В атмосфере нарастало напряжение, словно перед грозовым разрядом.

Глава 2

Гудение турбин стало белым шумом, под который можно думать о чём угодно — или не думать вовсе. Дмитрий закрыл ноутбук. В тёмном стекле отразилось лицо — усталое, с тенями под глазами, с едва заметной сединой на висках. Тридцать три года. Возраст, когда успех измеряется цифрами на счетах, а не обещаниями, данными под звёздами.

За иллюминатором плыли облака. Он помнил другие — воздушные замки, которые они разглядывали когда-то, лёжа на траве за школой, смотрели в небо, и Аня, щурясь от солнца, тыкала пальцем вверх:

— Вон тот похож на дракона.

Она смеялась, и солнце путалось в её волосах. Тогда ему казалось, что так будет всегда.

Дмитрий вздёрнул подбородок, будто этим движением можно было стряхнуть наваждение. Прошрое не приносило пользы, но и отпустить его он так и не сумел.

Самолёт качнуло, колёса коснулись полосы. Нижний Новгород. Отсюда до Выксы ещё сто пятьдесят километров. Он специально выбрал самый ранний рейс: так у него оставалось меньше времени на лишние мысли.

В зале прилёта было шумно. Дмитрий прошёл мимо встречающих, мимо табличек с чужими фамилиями и поймал такси.

— В Выксу, — сказал он, садясь на заднее сиденье. — Сколько по времени?

Водитель посмотрел на него в зеркало:

— Часа три, если без пробок. Дорога нормальная.

— Поехали.

Машина тронулась. Нижний Новгород медленно поплыл за окном. Дмитрий смотрел на улицы, по которым пятнадцать лет назад уезжал покорять Москву. Тогда этот город казался воротами в большую жизнь. Теперь — всего лишь пересадкой на пути в прошлое.

Чем ближе становилась Выкса, тем сильнее сжималось в груди. Дорога петляла среди полей, и каждый километр отзывался внутри глухим стуком сердца. Он убеждал себя: это просто командировка. Контракт. Рабочая поездка. Но руки сами собой сжимались в кулаки.

За окном замелькали знакомые пейзажи: пруды Лебединки, золотые купола собора, поворот на Красные Зори.

— Давно не были? — спросил водитель.

— Давно, — коротко ответил Дмитрий.

Он узнал свой старый дом — панельную пятиэтажку на окраине. Тёмные окна. Чужие люди. Мать давно переехала в Краснодар, об отце лучше было не вспоминать. Всё, что связывало его с этим городом, оборвалось много лет назад.

И всё же не всё.

Такси свернуло на центральную улицу.

— Приехали. Гостиница «Баташев».

Дмитрий оплатил поездку и, не задерживаясь, зарегистрировался. Номер оказался удобным, типовым, как в любой другой гостинице. Он бросил сумку на кровать, подошёл к окну.

Площадь. Здание администрации. Голые деревья. Серый вечер.

Там, за этими домами, жила она.

От этой мысли стало тесно в груди. Тишина давила на виски, но его тянуло именно туда, где всё ещё оставалось настоящим, — к Ане. Несмотря ни на что. Несмотря на годы. Несмотря на то, что могло ждать его впереди.

Он вышел на улицу.

Воздух был холодным, пах сырой осенью, углём и близкой ночью. Ноги сами привели его к школе. Забор был всё тот же — старый, чугунный; только, видно, его недавно покрасили. Калитка скрипнула. Тот же звук. Будто и не было этих пятнадцати лет.

Школьный двор пустовал. Фонарь у входа мигал, отбрасывая на асфальт рваные тени. Дмитрий пошёл вглубь, туда, где за клёнами пряталась скамейка. Она была на месте.

Он сел осторожно, словно боялся спугнуть память. Когда-то, сидя на этой скамейке, он пообещал Ане, что вернётся.

И вернулся — спустя пятнадцать лет.

Что теперь? Искать её? Просить прощения? И за что именно — за Москву, которую тогда выбрал, за молчание,

за несдержанное слово?

В памяти всплыло её лицо — восемнадцатилетнее, с широко распахнутыми глазами, полными веры.

«Обещай, что дождёшься».

Он не сдержал слово — не из нежелания, а потому, что Москва затягивала. Сначала учёба. Потом работа. Потом бесконечная гонка за тем, что в двадцать казалось единственно важным: деньги, связи, риск, рост. Он писал ей письма, которые не отправлял. Сто раз набирал номер и сбрасывал вызов. А потом между ними легли годы, и проще было делать вид, будто прошлого вовсе не существовало.

Но контракт с заводом оказался тем самым крючком, за который прошлое наконец зацепило его всерьёз.

И теперь, сидя на этой скамейке, Дмитрий вдруг ясно понял: всё, что он строил эти пятнадцать лет, было прочным, удобным, выверенным — и всё-таки декорацией. Только здесь, в этом городе, рядом с этой школой, среди холодного воздуха и тёмных окон всё снова становилось настоящим.

Ветер шевелил воротник пальто. В окнах школы было темно. Дмитрий сидел долго, пока не замёрзли руки. Уже собирался встать, когда боковым зрением уловил движение.

Боковая дверь школы была приоткрыта. Всего на ладонь. Тёмный проём манил. Похоже, её не закрыли как следует. Дмитрий смотрел на дверь и чувствовал, как внутри поднимается глупое, мальчишеское любопытство.

Он понимал, что это нелепо. Что его могут заметить. Что

охрана, если она есть, вряд ли оценит позднюю прогулку по школьным коридорам.

Но ноги уже несли его к двери.

Он толкнул её. Дверь поддалась легко. Внутри пахло так же, как пятнадцать лет назад: старой штукатуркой, пылью, хлоркой и мылом.

Коридор был пуст. Свет горел тускло. Дмитрий прошёл несколько метров, стараясь ступать бесшумно. Впереди слышались голоса — приглушённый гул за приоткрытой дверью в конце коридора. Кабинет физики. Свет оттуда ложился на пол узкой жёлтой полосой.

Дмитрий подошёл ближе. Женский голос кого-то отчитывал. Родительское собрание.

Он едва заметно усмехнулся. Вот и повод: можно будет спросить что-нибудь у учительницы, изобразить заблудившегося москвича.

Он поправил воротник и разгладил лацкан. Сердце кололось где-то в горле. Глупо. Смешно.

Но рука уже легла на дверную ручку.

Дмитрий толкнул дверь, шагнул в свет — и замер.

В конце класса, за партой, спиной к нему сидела женщина. Тот же изгиб плеч.

Тот же наклон головы.

Всё внутри оборвалось и сошлось в одной точке.

— Аня, — выдохнул он.

Глава 3

В классе было душно. Мария Ивановна монотонно перечисляла фамилии отстающих, водя пальцем по журналу. Её голос тонул в гуле ламп.

Аня сидела за партой Ильи. Твёрдое дерево впивалось в спину. На крышке кто-то вырезал ножом слово «СВОБОДА» — буквы были залиты засохшим корректором. Аня водила пальцем по неровностям, почти не слушая учительницу. Мысли путались, снова и снова возвращаясь ко вчерашнему: молчанию Ильи в автобусе, его усталому взгляду.

Что-то происходило. Она чувствовала это материнским нутром.

— ...и ещё раз хочу напомнить о родительском контроле, — голос Марии Ивановны стал резче. — Некоторые ученики позволяют себе опаздывать. Или приходят с синяками. Я надеюсь, вы поговорите со своими детьми.

Аня напряглась. Синяки? Илья не жаловался. Она хотела поднять руку, спросить, о ком речь, но заметила, как дрожат кончики пальцев. Быстро спрятала руки под стол. В ушах зазвучал его голос: «Всё нормально, мам». Тогда она поверила. А теперь начала сомневаться.

Взгляд скользнул по лицам. Головы опущены, глаза избегают встречи. Многие знали, что происходит, — и молчали. Воздух сгустился, стал тяжёлым. Аня сжала кулаки, стараясь

унять дрожь, и уже открыла рот, чтобы заговорить, — но в этот момент дверь скрипнула.

Все повернулись. В проёме стоял мужчина.

— Извините, — только и успел произнести он, прежде чем застыл, увидев её.

— Аня, — её имя прозвучало в тишине, как выстрел из прошлого.

У Ани внутри всё оборвалось. Не дрогнуло, не осело — именно оборвалось, как ветка, ломающаяся под ногой над ледяной водой. Холод пронзил тело, дыхание перехватило. Она застыла, пытаясь осознать, чей голос сейчас слышала. Низкий, с лёгкой хрипотцой в конце фраз. Так мог говорить только один человек.

Аня медленно повернула голову к двери.

Мужчина шагнул в класс. Свет упал на него, выхватив дорожное тёмное пальто, расстёгнутое на ходу, и строгий костюм под ним. Здесь, среди облупленных стен и старых парт, он казался чужим.

Потом поднял глаза.

Их взгляды встретились — и Аня похолодела.

Это был он. Дмитрий.

В его глазах мелькнули узнавание и шок, почти сразу уступив место недоверию. Внутри у Ани что-то резко захлопнулось — будто сердце закрылось на засов. За пятнадцать лет боль никуда не ушла.

Аня так побледнела, что соседка по парте испуганно

взглянула на неё и даже привстала.

— Вам плохо? — шепнула соседка, но Аня не слышала.

Рука сама потянулась к мочке уха. Пальцы нашли кожу, начали теребить — быстро, нервно, до боли. Старый защитный жест.

Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать, мешая думать.

Дмитрий.

Он стоял здесь. Живой. Настоящий. Не призрак из прошлого. Мужчина с первыми морщинками у глаз, с сединой на висках. И всё же глаза были те же: серые, серьёзные.

— Аня? — произнёс он. Это был не вопрос, а выдох. Выдох человека, который пятнадцать лет носил в себе это имя.

Класс замер. Мария Ивановна растерянно моргнула, опустила указку.

— Гражданин, вы кто? — спросила учительница, и в голосе её появились металлические нотки. — У нас закрытое мероприятие. Родительское собрание.

Но он не смотрел на неё. Он смотрел только на Аню.

Аня резко встала. Стул с грохотом отлетел назад, врезался в соседнюю парту и опрокинулся. В звенящей тишине этот звук прозвучал как выстрел.

— Мне... мне нужно выйти, — голос Ани прозвучал чужим, скрипучим.

Она не поднимала глаз на Дмитрия. Не могла позволить себе этого. Стоило только взглянуть — всё, что она строила

пятнадцать лет, разрушилось бы в один миг.

Сумка в руках была её щитом. Аня прижала её к груди и рванулась к двери. Мимо него — близко, слишком близко. Запах парфюма: дорогой, холодный, незнакомый.

Исчезли запахи юности — скошенной травы, лета. Осталась другая жизнь. И чужой мужчина.

Аня выскочила в коридор.

В коридоре было пусто. Тусклый свет выхватывал из темноты кусок стены с расписанием, пожарный щит, табличку «Кабинет физики». Аня сделала несколько шагов к лестнице, но ноги подкашивались. Она прислонилась к стене, пытаясь отдышаться. В груди жгло.

Сзади послышался скрип двери, а затем торопливые шаги.
— Аня, подожди!

Он догнал её у лестницы. Его рука легла ей на плечо. Через пальто, через свитер — тяжёлая горячая ладонь будто дошла до самого нутра.

Аня дёрнулась, сбрасывая его руку, словно прикоснулась к раскалённому железу. Развернулась лицом к нему. В тусклом свете её глаза были ледяными.

— Вы ошиблись, — сказала Аня тихо, но чётко. Каждое слово падало в тишину, как камень в колодезь.

Дмитрий смотрел на неё, не в силах отвести взгляд. Перед ним была уже не девочка со школьной фотографии, а женщина. Чужая. Красивая. Недоступная.

— Аня, подожди, — он сделал шаг ближе, но она отшат-

нулась, выставив вперёд руку. — Я столько лет думал о тебе. Скучал. Прости меня.

— Только не ври хотя бы сейчас. Зачем ты пришёл, Дима? — её голос дрогнул, но в глазах не было ни слезинки. Только ледяная твёрдость.

— Я... контракт. Завод. — слова звучали жалко даже для него самого.

— Контракт? — она горько усмехнулась. — А пятнадцать лет назад ты говорил о любви.

— Аня, послушай...

— Нечего слушать. Ты всё сказал тогда, когда уехал. Москва оказалась важнее.

— Я вернулся, — сказал он просто. — Я теперь здесь. На заводе. Контракт.

— И что? — она перебила его. Голос прозвучал холоднее, чем она ожидала. — Думаешь, это что-то меняет?

— Нет, я не... — он запнулся. — Я просто... я хотел, чтобы ты знала.

— Мне всё равно, — она соврала, и он это увидел. Пальцы сжали мочку уха до белых костяшек. — Нам не о чем говорить. Прощай, Дима.

Аня развернулась и пошла прочь. Быстро, не оглядываясь. Стук каблучков эхом разносился по пустому коридору, отскакивал от стен.

Дмитрий остался стоять у лестницы. Он смотрел ей вслед, сжимая и разжимая руки. В голове было пусто и гулко.

В классе за дверью снова заговорили. Жизнь продолжалась. А его жизнь только что раскололась на две части: до этой минуты и после.

Он постоял ещё немного, прислонившись лбом к холодной стене. Кафель обжигал кожу. Потом выпрямился, поправил воротник и медленно пошёл к выходу.

На улице Аня остановилась у крыльца. Ветер сразу ударил в лицо, сбивая дыхание, раздувая полы пальто. Слёз не было — только пустота и звон в груди.

Дрожащими руками она достала телефон, прислонилась к перилам и позвонила матери.

— Мам, — голос сорвался, пришлось прокашляться. — Всё хорошо. Не ждите, ложитесь спать. Всё правда хорошо.

Она повесила трубку. Несколько секунд смотрела в тёмный экран, потом обернулась. На втором этаже горело единственное окно — жёлтый квадрат в темноте.

Пусть он останется там. В прошлом.

Когда Аня двинулась к дому, ветер уже толкал в спину, подгонял вперёд — в новую жизнь, к которой она вовсе не стремилась.

А Дмитрий стоял неподвижно, глядя вслед удаляющейся фигуре. Ветер трепал полы пальто, но он не чувствовал холода. Внутри разрасталась пустота — чёрная, бездонная. Москва, которую он завоевал, вдруг показалась пустой декорацией. А настоящая жизнь осталась здесь, ускользнув сквозь пальцы.

Калитка захлопнулась с глухим стуком, будто ставя точку в их истории. Фонарь у входа мигал, отбрасывая на землю длинную, одинокую тень. И в этой тени было всё: и его победа, и его поражение, и эхо потерянной любви.

Глава 4

Аня шла по пустой улице, не замечая холода. Каблуки отбивали ровный ритм по тротуару — тук-тук-тук. В голове всё ещё звучал его голос, её имя, сорвавшееся с его губ.

«Слишком поздно, Дима. Ты опоздал на пятнадцать лет», — думала она, сжимая в кармане телефон.

Фонари отбрасывали длинные тени на мокрую дорогу. Город жил своей жизнью, не подозревая о только что произошедшей драме. А она шла вперёд, словно за спиной выросли крылья.

Впервые за долгое время Аня чувствовала себя свободной. Свободной от страхов, от ожиданий, от призраков прошлого.

«Я справлюсь. Как справлялась всегда», — твердила она себе, поднимаясь по ступеням дома.

В окне кухни горел свет — мама ждала. Наверное, и Илья ещё не спал, дожидался её прихода. Но это не имело значения. Главное — она выдержала эту встречу. Выстояла. И теперь знала наверняка: она не позволит ему разрушить то, что построила.

Дверь отворилась бесшумно. Аня шагнула в прихожую, будто оставив всё позади, снаружи.

Замок сухо щёлкнул, будто окончательно отсёк прошлое.

Она прислонилась плечом к холодному косяку. Одно ко-

роткое мгновение — чтобы стереть следы страха с лица, выпрямить губы, унять дрожь в подбородке. Вдох. Выдох.

Всего секунда — и снова быть для Ильи той спокойной, неуязвимой мамой, какой он привык её видеть по вечерам.

— Наконец-то! — голос матери выплеснулся из кухни вместе с тёплым светом и запахом жареного лука. Татьяна Петровна вышла, вытирая руки о клетчатый передник, — вечная, надёжная, как гранит. — Мы уж волноваться начали. Где ты ходишь?

— Собрание затянулось, мам, — голос прозвучал ровно, почти весело. — Ты же знаешь Марию Ивановну. Любит поговорить.

Татьяна Петровна кивнула, но взгляд её задержался на Аниных руках, судорожно сжимавших пальто. Аня уловила этот взгляд и на мгновение прикрыла глаза, собираясь с силами.

«Врёт... — наверняка так сейчас думает мама. — Не так она входит после обычных собраний. Вот как держит пальто — будто за спасательный круг держится».

Татьяна Петровна перевела взгляд на дочь, стараясь не выдать тревоги, но руки её машинально потянулись к фартуку, теребя завязки.

— Илья уже спать лёг, — сказала Татьяна Петровна, не сводя с неё глаз. — Ждал тебя, потом говорит: «Бабушка, я прилягу, а то что-то разморило». И заснул. Умаялся за день.

— Хорошо, пусть отдыхает, — Аня повесила пальто на

крючок, стараясь не смотреть в зеркало трюмо.

— А ты? Есть будешь? Я пирожков с капустой напекла, чайник закипел.

— Я позже, мам. Сначала в комнату зайду.

Она двинулась по коридору, чувствуя на затылке материнский взгляд. Татьяна Петровна осталась в прихожей, провожая её глазами, и тихо вздохнула.

В большой комнате гудел телевизор. Юрий Иванович сидел в кресле с открытыми глазами — не спал, ждал. При её появлении молча кивнул.

Взгляд у него был тяжёлый, понимающий. Не спросил ничего. Просто взял пульт и выключил звук. Тишина словно сгустилась.

— Пап, ты не спишь? — спросила Аня, задержавшись на пороге.

— Ждал, — ответил он кратко. — Всё в порядке?

— Да, — она выдавила улыбку. — Спи, пап.

Юрий Иванович не поверил — Аня знала это наверняка. Тем не менее кивнул, а затем вновь включил звук, словно давая ей уйти.

Дверь в их с Ильёй комнату была приоткрыта. В комнате горел ночник — старый, в виде матового шара на прищепке, прикреплённый к спинке Ильиной кровати. Его мягкий жёлтый свет разгонял темноту ровно настолько, чтобы можно было разглядеть очертания, но не разрушить уют полумрака.

Аня скользнула внутрь. Илья уже лежал на своей кровати,

уткнувшись лицом в подушку, даже не раздевшись толком, только джинсы сменил на старые треники. Сумка с учебниками так и валялась на полу, из неё торчал угол тетради.

— Илюш, ты есть будешь? — тихо спросила Аня. — Бабушка пирожки жарила.

— Не, мам, не хочу, — голос у него был глухой, в подушку. — Я спать. Что-то вырубил.

— Устал?

— Ага. Контрольная была... — Он зевнул, широко, ещё по-детски, прикрывая рот ладонью. Потом повернул голову, открыл глаза и взглянул на неё. Увидел лицо. — Ты тоже отдыхай, мам. Бледная совсем. Всё нормально?

Аня хотела ответить, но Илья уже не ждал. Он перевернулся на бок, одеяло зашуршало. Во сне он беспокойно вздохнул, будто даже там не находил покоя.

Аня замерла, глядя на него. Как же он вытянулся за последний год. Ноги почти доставали до спинки кровати, плечи раздались. В мягком свете ночника она видела, как нервно вздрагивают его пальцы, лежащие поверх одеяла.

Она мягко притворила дверь, но закрывать её плотно не стала. Просто прислонилась спиной к двери, будто отгораживаясь от коридора и от всех, кто мог войти с расспросами. За стеной слышались шаги. Тихий стук в дверь.

— Аня? — голос матери был приглушённым. — Ты не спишь?

— Нет, мам. Всё хорошо.

— Чайник ещё горячий. Может, ромашки попить? Для нервов.

— Попью потом. Спасибо.

Шаги удалились. Но Аня знала: мать не успокоится. Сейчас она скажет отцу: «Что-то случилось. Видела по глазам».

Аня опустилась на край своей кровати — панцирная сетка жалобно скрипнула, принимая родной вес.

Напротив сопел Илья. Тот же прямой нос, что и у Дмитрия. Тот же упрямый излом брови — даже во сне хмурый, будто решает какие-то мировые проблемы. Тени ресниц лежали на щеках, длинные, ещё детские.

Руки сами потянулись к ушам. Пальцы нашли мочку, сжали её, начали теревить — быстро, нервно, до жжения. Старая привычка.

Взгляд упал на полку над письменным столом. Там, между школьными учебниками, стояли две фотографии в простых деревянных рамках. На одной — Илья в три года, на руках у деда, в смешной вязаной шапке. На другой — Аня на школьном выпускном, ещё смеющаяся, беззаботная, с букетом гладиолусов. Дмитрия там не было. Только она. Счастливая и наивная.

Прошрое нахлынуло внезапно, без привычных ритуалов.

Она вспомнила тот день в аптеке. Дрожащие руки, отсчитывающие мелочь на тест. Две полоски проступили сразу, яркие, жестокие в своей однозначности. Она сидела на полу в ванной, прижимая пластиковую палочку к груди, и плакала.

ла. Не от страха — от обиды. Потому что в том огромном, равнодушном городе он с нуля выстраивал свою жизнь, не зная о её беременности.

— Аня? — дверь скрипнула.

На пороге стояла мать. Татьяна Петровна увидела тест, увидела лицо дочери — опухшее, красное, чужое. Она не закричала. Не спросила, кто виноват. Просто опустилась рядом на холодный кафельный пол и обняла Аню за плечи.

— Всё образуется, дочка. Мы справимся.

— Он не знает, — выдохнула Аня в мамино плечо. — Он не звонит.

— Значит, не судьба. Значит, не достоин. А ребёнок ни в чём не виноват. Оставим. Вырастим.

Илья встретил этот мир громким, требовательным криком. Аня прижала его к груди, и всё вокруг исчезло — остались только они вдвоём и тишина.

Первый год был адом. Бессонные ночи, деньги, которые таяли быстрее снега. Аня училась заочно, и её день состоял из череды коротких перерывов: между кормлениями и прогулками она успевала писать конспекты, а в минуты тишины — готовиться к экзаменам. Она не звонила ему. Сначала было страшно услышать чужой голос. Потом — некогда. Потом — незачем.

Воспоминания схлынули, оставив после себя солёный привкус на губах.

Аня не шевелилась на краю кровати. В комнате было по-

лутёмно, но мягкий свет ночника выхватывал из мрака контуры мебели и лицо сына. Большой уже, взрослый. Её мальчик.

Их сын.

«Что, если он захочет забрать его?»

Мысль пронзила, как удар током. Аня представила разговор: Дмитрий в костюме, холодный голос, юристы, бумаги. Всё то, что стояло за ним: деньги, связи, уверенность в собственной правоте.

Она сжала пальцы в кулак, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

А она кто? Никто. Только мать. Но разве этого недостаточно?

В душе разгорался внутренний конфликт. Часть её хотела верить в случайность — в то, что он не знал о сыне. Другая отчаянно цеплялась за версию предательства, которая помогала ей жить все эти годы.

Она обхватила себя руками, пытаясь унять внутреннюю дрожь. Прошрое нельзя изменить, но можно защитить настоящее. И она сделает всё, чтобы сохранить то хрупкое равновесие, которое выстроила за эти пятнадцать лет.

Даже если для этого придётся снова и снова повторять себе, что его молчание было выбором, а не случайностью.

— Нет, — прошептала она вслух. — Не отдам. Лучше умру.

Аня встала с кровати, тихо подошла к Илье, стараясь не

скрипнуть половицей. Она наклонилась и поцеловала сына в лоб. Губы коснулись тёплой, чуть влажной кожи. Илья вздохнул во сне, перевернулся на бок, подтянув колени к животу — точно так же, как делал в детстве, когда она укрывала его одеялом и шептала сказки.

— Прости, сынок, — выдохнула она одними губами, и слеза, которую она сдерживала весь вечер, сорвалась и упала на подушку рядом с его щекой. В полумраке ночника стало видно тёмное пятно на белой наволочке. — Я больше всего на свете боюсь тебя потерять.

Она ещё секунду смотрела на него, потом бесшумно вернулась к своей кровати. Легла поверх покрывала, не снимая одежды. Сжалась в комок, подтянув колени к груди. В темноте потянулась к мочке уха — и отдёрнула руку. Сжала пальцы в кулак, до хруста.

Нет. Она не позволит всё разрушить. Она выстояла тогда, в девятнадцать, с младенцем на руках и пустотой в душе. Выстоит и сейчас.

В большой комнате мерно тикали напольные часы. Этот звук раньше успокаивал, а теперь казался отсчётом времени, которого не осталось.

Аня лежала, глядя в потолок, на играющие тени от фар проезжающих машин. Телефон на тумбочке молчал. Но она знала: он зазвонит — скоро, может завтра, может через час. И эта тишина была страшнее любого звонка.

В окно хлестнул порыв ветра, и за стеклом что-то глухо

застучало — то ли ветка, то ли жестяной лист на крыше. Фонарь мигнул в последний раз и погас. Ночник продолжал гореть ровным жёлтым светом, не давая комнате провалиться в полную черноту. Белый прямоугольник окна слабо светился, но в нём уже не было ничего, кроме пустоты.

Аня закрыла глаза.

Она не знала, что через несколько часов в городе, за столиком кафе, Дмитрий услышит её имя из чужих уст. И не знала, что этот разговор навсегда изменит всё, что она так долго строила.

Глава 5

Кафе «Кофе и Книги» Дмитрий обнаружил накануне, когда бродил по городу, не в силах выбросить из головы Анин взгляд. Утром, после подписания всех тендерных документов, до вечера оставалось слишком много времени — и ноги сами привели его сюда снова.

Эспрессо остыл. Дмитрий вертел чашку, глядя в окно. «Нам не о чём говорить». Эти слова сверлили мозг. Пятнадцать лет он строил бизнес, учился читать людей, просчитывать ходы. А сейчас не мог понять одну-единственную женщину.

Он закрыл глаза. Автовокзал. Июльская жара, асфальт дрожит под ногами. Она в лёгком платье, с букетом гладиолусов. Улыбается так, будто он уезжает всего на день.

— Я позвоню. Как устроюсь — сразу за тобой приеду.

Она кивнула. Ни тени сомнения.

Он не позвонил. Не приехал. Москва проглотила, перемолола. А он убеждал себя: она вышла замуж, живёт своей жизнью. Удобная ложь.

Колокольчик над дверью звякнул.

Дмитрий поднял глаза и внутренне поморщился. Лариса Князева. Узнал бы её из тысячи — походка от бедра, взгляд с головы до ног и обратно. За пятнадцать лет она превратилась в ходячий глянец: нарощенный пепельный блонд, губы,

помнящие хирурга, ногти цвета баклажан, пальто с меховым воротником, сумочка с логотипом. Всё в ней кричало: «Я успешна, я выше вас». От её духов хотелось зажмуриться.

Рядом, как тень, семенила Вероника. Дешёвая копия: те же волосы, но корни отросли; та же помада, но размазалась. Вечно ищет одобрения королевы.

Лариса мгновенно выцепила Дмитрия взглядом. Её лицо озарила улыбка продавца подержанных авто.

— Дима? Дима Савельев? — Она подошла без приглашения, положила руку на спинку его стула. Пальцы цепко сжались на дереве. — Вот это встреча! Москва-Сити в нашей глуши!

Дмитрий поднялся. Автоматически.

— Лариса... Вероника... — без энтузиазма.

— Ой, мы так рады! — Вероника плюхнулась на соседний стул. — Мы тебя сразу узнали! Ты совсем не изменился! Ну, чуть статуснее.

Лариса устроилась напротив, демонстративно расправляя пальто — мех, дорого. Перчатки, сумочка — всё на виду.

— Зашли просто кофе попить — и вдруг на тебя наткнулись, — произнесла она вскользь. — Не иначе, как судьба. — Она выдержала паузу. — Ну что, рассказывай, как у тебя дела? Слух дошёл, что ты теперь там большая персона?

— Есть немного. Инжиниринг.

— А я слышала, Москва выиграла тендер на модернизацию завода. Это ты?

— Да.

Коротко. Пусть знает, что тема закрыта. Но Ларису не остановить. В её глазах зажёгся холодный, расчётливый блеск. Успешный, холостой, из Москвы. Ресурс. Актив.

— Вот это да! — Она театрально всплеснула руками. — Ну ты даёшь, Димон! С одним чемоданом уехал — королём вернулся!

Она ждала, что он начнёт хвастаться. Дмитрий лишь сделал глоток остывшего кофе.

Лариса никогда не выносила тишины. В школе она заполняла паузы сплетнями и интригами. Сейчас — словами, которые должны были ранить, задеть, вывести.

Она подалась вперёд, понизив голос до доверительного шёпота. В кафе было пусто, но шёпот создавал иллюзию секретности.

— Слушай, а ты Аньку Соболеву видел? Она в администрации работает.

Дмитрий замер. Чашка дрогнула, кофе плеснул на блюдце.

— Нет, — голос прозвучал хрипло. — Не видел.

Лариса улыбнулась. Ровные белые зубы, дорогая винирная работа. Глаза — холодные, ящеричные. Она видела его реакцию. Ей это нравилось.

В школе она завидовала Ане. Той, которая не гналась за статусом, не красилась вызывающе. Но именно к ней подошёл на выпускном самый красивый парень класса. И не ото-

шёл до утра. Лариса помнила это до сих пор.

— Эх, зря, — вздохнула она, изображая сочувствие. — Жалко её, честно. Жизнь не сложилась. Одна сына растит. Мужик бросил ещё до родов. Никто толком не знает, она молчит как партизан.

Вероника закивала, как болванчик:

— Ну да, сама всё тянет. Парень у неё хороший, на футбол ходит, спокойный. Денег вечно мало. Анька зимой до работы пешком, в изношенной обуви — смотреть просто тяжело.

Каждое слово било под дых. Одна. Бросил. В старых сапогах. Дмитрий сжал челюсть. Он знал, что виноват. Уехал, оставил. Не искал, не бился головой об стену. Поверил в удобную ложь: она вышла замуж, забыла, счастлива. Слишком удобно.

— Она не нуждается в жалости, — сказал он тихо. В голосе звякнула сталь. — Аня сильная.

Лариса усмехнулась, откинулась на спинку. Усмешка вышла кривой, недовольной. Она не ожидала такой резкости. Или ожидала? Может, именно этого и добивалась?

— Ой, да ладно, Дим. Сильная-сильная. А тоску в глазах даже слепой заметит. Думаешь, все такие глупые и не замечают этого?

Она выдержала паузу. Её взгляд стал хитрым, прищуренным. Дмитрий вдруг понял: сейчас будет главное. Не случайная встреча. У неё был план.

— Ладно, не буду про плохое. У нас тут через полторы

недели встреча одноклассников. В субботу, в «Старом городе». Человек двадцать. Наш Сергей Воронцов, ныне уважаемый врач, взял на себя организацию.

Она посмотрела на Дмитрия. В её взгляде читались оценка, приглашение, насмешка и жадное предвкушение сплетен.

— Приходи. Тебе надо показаться народу. И... — она сделала многозначительную паузу, поиграла бровями. — Анька тоже будет. Я её уговорила.

Дмитрий смотрел на Ларису и видел её насквозь. Маленькую, завистливую, злую женщину, которая десятилетиями копила обиды и теперь пыталась использовать чужую боль как развлечение. Она хотела не помочь — она хотела увидеть драму.

Но случай был слишком удобный, чтобы им не воспользоваться.

— Когда? — спросил он.

— В следующую субботу. В семь. «Старый город», зал «Центральный». — Лариса торжествовала. Она чувствовала себя режиссёром. — Я тебя запишу?

— Запиши. Я приду.

— Вот и отлично! — Лариса довольно потёрла руки. — Ой, мне пора, муж ждёт. Вероник, пошли.

Она поднялась, поправила пальто, послала воздушный поцелуй. Вероника заулыбалась и поплелась следом.

Колокольчик звякнул.

Дмитрий остался один. Он отодвинул чашку, уставился в

окно. За стеклом зажигались фонари, в домах загорались окна. Где-то там, за одним из этих окон, жила Аня.

«Анька-то наша одна»

Он достал телефон.

— Кристина, найди ресторан «Старый город» в Выксе. Зал «Центральный». И — белые хризантемы к встрече одноклассников. Дату скажу позже.

— Хризантемы? — удивилась секретарша.

— Белые. Крупные.

— Поняла.

— И машину пригоните из Москвы.

— Принято.

Он убрал телефон. В груди шевельнулось странное, почти забытое чувство. Появилась цель. Лариса думала, что использует его для статуса. На самом деле она только что дала ему возможность действовать.

Через полторы недели он увидит Аню. На этот раз разговор не сорвётся.

За окном медленно падали первые снежинки. Крупные, белые. Дмитрий смотрел на них и думал: он сделает первый шаг. И не отступит.

Он не знал, что через несколько дней встретится с Сергеем Воронцовым. И уж тем более не подозревал, что тот расскажет ему об Ане нечто, что перевернёт всё с ног на голову.

Глава 6

Встречу назначили не в кафе, а в стоматологической клинике «Дентал-Люкс». Дмитрий сам предложил этот вариант: меньше лишних глаз, спокойнее разговор. К тому же Сергей Воронцов всегда умел слушать — не только говорить.

Клиника встретила стерильной чистотой, запахом мяты и антисептика, въевшимся, казалось, в сами стены. Дмитрий на секунду задержался у входа: с Сергеем они не виделись много лет.

На ресепшене сидела миловидная девушка с идеальной улыбкой — лучшей рекламой заведения. Увидев Дмитрия, она кивнула:

— Сергей Борисович ждёт вас. Проходите.

Кабинет главврача оказался просторным, с панорамным окном во двор. Сергей стоял у стола, раскладывая рентгеновские снимки. За пятнадцать лет он почти не изменился: тот же добродушный взгляд, аккуратная бородка, только в уголках глаз залегли лучики морщин. Его руки — чистые, с коротко остриженными ногтями — уверенно перебирали карточки. Но Дмитрий сразу заметил: Сергей смотрит не на снимки, а на него. Взгляд был открытый, спокойный, внимательный — почти врачебный, будто он замечал то, в чём собеседник ещё не признался даже самому себе.

— Димон! — Сергей улыбнулся широко и искренне, про-

тягивая руку. — Рад тебя видеть. Честно.

Рукопожатие было крепким. Дмитрий сжал пальцы друга и почувствовал, как у него взмокла ладонь.

— Привет, Серёж. — Он огляделся. — Поздравляю с практикой. У тебя тут царство, а не клиника.

— Да всё понемногу, — отмахнулся Сергей, усаживаясь в кресло. — Конкуренция жёсткая: чуть расслабишься — и долго не протянешь. Свой бизнес — своя ответственность. — Он помолчал, внимательно разглядывая гостя. — А ты как? Москва, бизнес, деньги? Лариска вчера визжала от восторга, что тебя видела. Говорит, ты теперь чуть ли не олигарх.

Дмитрий усмехнулся и сел напротив. Мягкое кресло приняло его, но напряжение не отпускало. Он вдруг понял, как сильно соскучился по этим людям — по их прямоте, по привычке говорить без оглядки на статус, по Серёге, который ещё в школе умел слушать, когда другим было плевать.

— Лариса всегда любила преувеличивать. Просто занимаюсь инжинирингом. Приехал по работе, контракт с заводом подписывать.

— Слушай, а как тебе вообще Москва? — спросил Сергей, прищурившись. — Не жалеешь, что уехал?

Дмитрий задумался. Перед глазами встал его пентхаус на шестьдесят пятом этаже башни «Москва-Сити». Панорамные окна, вид на реку и небоскрёбы. Пустые полки, дизайнерский диван, на котором никто не сидел. На одной из по-

лок — фотография: Выкса, школьный двор, та самая скамейка. Единственное по-настоящему личное, что напоминало ему о том, что когда-то он был живым, а не просто механизмом, приносящим прибыль.

И только сейчас он осознал, что за пятнадцать лет так и не завёл ни одного настоящего друга. Только партнёры, конкуренты, случайные женщины. Никого, кто позвонил бы в два часа ночи просто спросить: «Ты как?»

— Не жалею, — ответил он коротко. — Привык.

Сергей кивнул, не поверив, но не стал настаивать. Он умел ждать.

— Понятно. — Взгляд его стал чуть внимательнее. — Ну, раз приехал, значит, надолго? Или туда-сюда?

— Пока не знаю. Зависит от обстоятельств.

Сергей откинулся на спинку кресла, сложил руки на животе. В кабинете повисла тишина, нарушаемая только тиканьем часов да гулом компрессора где-то внизу. Он смотрел на Дмитрия долгим, внимательным взглядом, будто видел больше, чем тот хотел показать.

— Ты сам-то себе веришь? — спросил он наконец.

Дмитрий поднял глаза.

— В чём?

— В том, что приехал только по работе.

Дмитрий усмехнулся, но вышло натянуто.

— А ты, я смотрю, не только зубы лечишь.

— Пятнадцать лет с людьми работаю, — спокойно отве-

тил Сергей. — Научился кое-что замечать.

Он помолчал, не сводя с Дмитрия внимательного взгляда.
— Слушай, Дим... — наконец произнёс он. — Ты Аню видел?

Карандаш в пальцах Дмитрия хрустнул. Он не сразу это понял — только почувствовал, как ладонь сжалась сама собой, а дерево переломилось пополам. Острая щепка впиалась в палец, но боли он не ощутил. Внутри всё оборвалось.

— Видел. В школе.

Сергей помолчал, словно оценивая его реакцию. Дмитрий чувствовал на себе этот взгляд — спокойный, внимательный. Сергей не давил, но видел насквозь: дрожащие пальцы, тени под глазами, ту самую трещину, которую Дмитрий пытался скрыть.

Сергей кивнул.

— Ясно. Тогда скажу прямо: она одна сына растит. Илье четырнадцать, он в восьмом классе. Парнишка славный, умный. В футбол играет, в школе хорошо учится. Характером в неё — спокойный, рассудительный.

Четырнадцать. Эта цифра будто выбила из него воздух.

Перед глазами сразу встал тот июльский день. Автовокзал, раскалённый асфальт, марево зноя, резкий запах сигарет вперемешку с выхлопными газами.

Аня стояла у входа в душный павильон. На ней было лёгкое платье в мелкий цветок. Ветер трепал выбившиеся из пучка пряди. Она смотрела на него и улыбалась, но губы у

неё дрожали, а пальцы слишком крепко сжимали ремешок старой сумки.

— Ну что ты как на казнь? — тихо сказала она, шагнув ближе. — Всё будет хорошо, Дим. Ты поступишь, станешь кем захочешь. А я...

Она не договорила. Только подняла на него глаза.

— Я буду ждать. Сколько потребуется.

Он должен был сказать: «Я вернусь» — пусть коротко, без лишних объяснений. Но слова застыли в горле, не найдя выхода, и теперь эта невысказанная фраза повисла между ними — горькая оттого, что так и не прозвучала.

Неловко кивнул, развернулся и пошёл к автобусу.

Он так и не обернулся. Потому что знал: если обернётся, не уедет.

— Он записан как Соболев, по матери, — продолжал Сергей, не сводя с него глаз. — Отца нет. Вернее, говорят, уехал куда-то давно. Аня никогда ничего толком не рассказывала. Она у нас гордая, жаловаться не любит. Работает экономистом в администрации. И дом, и сын, и родители — всё на ней.

Дмитрий слушал, и каждое слово отдавалось внутри глухим эхом. Он вдруг ясно увидел, как жила Аня все эти годы: работа, сын, родители, дом — всё на ней. Она справлялась сама. А он жил в своей Москве, заключал контракты, пил виски в пустой квартире и считал, что у него всё хорошо.

Сергей вздохнул, покачал головой.

— Мужики некоторые за спиной крутили пальцем у виска: мол, зачем она вообще всё это на себя взвалила? А я смотрел на неё и думал: потому что больше не на кого было. Илья у неё хороший вырос.

Дмитрий молчал, сжимая в пальцах обломок карандаша.

— Я ведь Илью не то чтобы хорошо знаю, — после паузы продолжил Сергей. — Видел его несколько раз. В клинику он как-то с Аней приходил, потом ещё сталкивались. Нормальный парень. Спокойный. Вежливый. Но с тех пор у меня засела одна мысль.

В кабинете будто стало теснее.

— Он на Аню не очень похож, — тихо сказал Сергей. — У неё черты мягче. А у него лицо другое — резче, жёстче. Я сначала не понял, что именно меня зацепило. А потом дошло.

Дмитрий медленно поднял на него взгляд.

— Что-то в нём напомнило мне тебя, Дим.

Дмитрий не шевельнулся.

— Я могу ошибаться, — уже тише добавил Сергей. — И, может, вообще не должен был это говорить. Но если вспомнить то лето, если прикинуть сроки... по-моему, Илья — твой сын.

Слова прозвучали просто, без нажима, но эффект от них был оглушающим. Дмитрий почувствовал, как мир вокруг начинает рассыпаться. Стены кабинета поплыли, пол будто ушёл из-под ног. Он вцепился в подлокотники, чувствуя, как

ногти впиваются в кожу.

За стеклом сгущались зимние сумерки, город затихал. В свете фонарей кружился мокрый снег.

Сергей посмотрел в окно. Из его голоса исчезла вся прежняя лёгкость.

— Аня сильная. Но и у сильных есть предел. Она сейчас почти на нём.

Он замолчал, глядя на снежный вихрь за стеклом.

— Оправдания ей не нужны. Жалость — тоже. Просто не делай ей ещё больнее.

Дмитрий только кивнул — в горле стоял ком. Он поднялся и молча вышел. Уже на улице свежий ветер ударил в лицо, смешиваясь с мелкими, колючими снежинками. Дмитрий прислонился спиной к холодной кирпичной стене и закрыл глаза.

Внутри всё кипело. Теперь всё складывалось в одну беспощадную картину: её взгляд в школьном коридоре, полный боли; слова Ларисы о том, что Аня одна растит сына и та фотография на полке в Москве — единственное напоминание о жизни, которую он сам когда-то оставил.

Он не знал, как она рожала. Не видел, как она растила сына, как справлялась, как жила все эти годы без него. Он не слышал, как Илья впервые сказал «мама» И не задумывался о том, что слово «папа» для этого мальчика так и осталось просто набором звуков. А он жил в своей Москве, заключал контракты, пил виски в пустой квартире и искренне считал,

что у него всё хорошо.

— Как я мог? — прошептал он. Голос сорвался.

Мокрый снег таял на щеках, смешиваясь с чем-то горячим. Кулаки сжались до дрожи. Он прислонился лбом к холодному кирпичу. Удара не последовало. Боль была не нужна. Достаточно было понять: он заслужил это. Молча. И почувствовать, как внутри ломается что-то старое, окаменевшее, то, что он называл характером, а на деле было просто страхом.

Завтра он увидится с ней. Оттягивать больше нельзя. Каждая минута промедления делала его трусом в собственных глазах.

Он представил, как Анна отреагирует на его появление. Может быть, в её глазах мелькнёт презрение. Может, вспыхнет искра надежды. А может, что ещё хуже, — полное равнодушие. Холодный, вежливый взгляд чужого человека. Он уже видел этот взгляд в школьном коридоре и знал: выдержать его снова будет нелегко.

Он шёл по мокрому скользкому тротуару мимо тускло светящихся витрин. Снег валил всё гуще, ложился на плечи, а на лице быстро таял. Город шумел вокруг, жил своей жизнью.

У подъезда мальчишка лет десяти гонял мяч о стену. Дмитрий на секунду остановился. Обычный мальчишка: русые волосы, куртка на вырост. Но взгляд всё равно зацепился.

Он невольно представил Илью таким: гонял мяч во дворе, лазил по деревьям, спорил с Аней из-за уроков. А она ругалась, но потом гладила по голове. Всё сама.

«Что я скажу ему, когда увижу? — подумал он. — Привет, я твой отец. Извини, что не приезжал четырнадцать лет».

Но отступить было некуда. За спиной — пустота, стерильный пентхаус на шестьдесят пятом этаже, где его никто не ждал. Впереди — женщина, которую он предал, и мальчик, который, по словам Сергея, был поразительно на него похож.

Дмитрию вспомнилась Виктория — та самая модель, что, уходя, бросила ему: «Ты просто не умеешь любить». Тогда он лишь равнодушно пожал плечами. Теперь в её словах проступил смысл, от которого стало не по себе: дело было не в холодности, за которой он привык прятаться, а в том, что он слишком долго не решался признать даже самому себе — всё по-настоящему важное для него осталось здесь, в Выксе.

Он остановился посреди тротуара и поднял лицо к небу. Снежинки падали на щёки и тут же таяли. Было холодно. Но в груди разгорался огонь — не тот, что сжигал его в минуты злости на себя, а другой. Именно он заставлял идти вперёд, даже когда ноги подкашивались.

Наконец он скажет всё, о чём молчал долгие пятнадцать лет, — без оправданий, без лжи. Только правду.

Что будет дальше, он не знал. Но в одном был уверен: больше не сможет прятаться, не отвернётся. Впервые за пятнадцать лет он останется и примет любой ответ.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.